

ПЕСНЯ РУССКАЯ

Песня русская — вольному воля! —
в небесах золотой журавель.

Песня русская — чистое поле,
белогривая вьюга-метель.

В ней судьба человечья клокочет.
В ней слеза, и улыбка, и крик —
светит месяц,

гремит колокольчик,
тройка мчится
и гибнет ямщик.

Песня русская —
что ж ты за чудо! —
соловьиное соло в тиши.

Если душу не трогаешь чью-то,
значит, нет в человеке души.

Песнь протяжная,
словно дорога,
словно матушка Волга-река —
и приходит к тебе издалёка,
и уходит с тобою в века.

ТРАВА-МУРАВА

На заре кукарекает кочет,
и тропинка несёт муравья,
и на Сенькином луге щекочет
босы ноги трава-мурава.

Мне трава-мурава шелестела,
материнское пела «баю»,
принимала усталое тело
в шелковистую зыбку свою.

А земля забирала усталость,
снова делая богатырём.
Приближалось, потом удалялось
бело облако за окоём.

Сладко спал я на том солнцепёке,
сенокосные кончив труды.
Долго-долго потом мои щёки
сохраняли рисунок травы.

Никуда от неё мне не деться —
в ней спасенье от суеты.
От травы-муравы и на сердце
остаются, похоже, следы.

Цвет муравушки неистребимой
с цветом жизни в коротком родстве,
и счастливый лежал я с любимой
всё на той же траве-мураве.

Потому шелестит, не смолкая,
в пересверках рассветной росы
та трава-мурава луговая —
шелковистое платье Руси!

ЖУРАВЛИ

Глядели мы из-под ладони:
в необозримой синеве,
неся на крыльях молодое
и очень древнее в себе,
полны осенней,
безглагольной
тоски, раздолья и любви
над позабытой колокольней,
курлыча, плыли журавли.

И так рыдала —
не грустила —
их журавлиная душа!
И было,
чёрт возьми,
красиво,
и мы следили не дыша,
как крылья золотом искрились
в багряном мареве зари...
Но вот погасли вдруг
и скрылись
за краем вспаханной земли.
А мы молчали от восторга
и словно что-то берегли,
и вдаль глядели долго-долго,
как будто видеть их могли...

* * *

Вот сижу над тетрадкой в полночь.
Может, кто погибает с тоски...
Я хочу, чтоб, как «скорая помощь»,
к человеку спешили стихи.

Чтоб, светясь добротой и лукавством,
каждый мною написанный стих
был бы лучшим на свете лекарством
от сердечных болезней людских.

Чтобы люди стихи мои слушали,
а потом, повторяя в тиши,
забывали несчастные случаи
потерпевшей крушение души.

И возможно, когда-нибудь в Будущем,
если кто заболит с тоски,
он войдёт в телефонную будочку,
позвонит и услышит — стихи!

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Как хорошо, что наступает утро,
когда прохлада вышибает хмель,
когда я, как младенец, целомудрен
и бред ночной за тридевять земель.

Как хорошо, что наступает утро,
когда ещё не лживы зеркала
и женщина без крема и без пудры
самой себе и мне не солгала.

Как хорошо, что наступает утро,
когда душа безжалостно трезва,
и потому в ней возникает смута
за все лжепоцелуи, лжеслова.

Как хорошо, что наступает утро,
когда над нами нет слепой ночи
и солнце ослепительно и мудро
приказывает: «Снова жить начни!»

РЯБИНА

В Москве на всю районную округу —
одна рябина под моим окном.
В её зелёной кроне вижу вьюгу,
пылающую ягодным огнём.

Она глядит в упор неугасимо,
как совесть милой родины моей,
как будто мать, наведавшая сына, —
и я дрожу, как грешник, перед ней:

за то, что нарушал её заветы,
за то, что не был твёрдым, как гранит...
Слаб человек, но всё ж частицу света,
завещанную родиной, хранит.

Прости меня, что был я недостоин
рябинового чистого огня,
но я в стихах был одинокий воин,
и есть одна отрада у меня:

пускай расстанусь с другом и с любимой,
но с вольным ветром постучит в стекло
родимая уральская рябина —
и станет на душе моей светло!

РАЗГОВОР

Я ехал на верхней плацкарте.
Терялся вдали семафор,
чайк по стаканам плескался,

и шёл за чайком разговор.
Обычный вагонный порядок.
Нас четверо было в купе:
две женщины, я и полярник,
и всяк говорил о себе.
В дороге всегда откровенны.
Соседям рассказывал сам
я много такого, что, верно,
ни в жизнь не сказал бы друзьям.
Но женщина та пожилая
сидела неслышно в углу
недвижная, как неживая,
прижавшись щекою к стеклу.
Она в разговор не встревала,
печальна была и седа,
но чувствовал я, что скрывала
большую беду про себя.
Уж если она нам не скажет —
не скажет она никому.
Тихонько спросил я:
— Куда ж вы?
И вдруг она:
— К сыну... в тюрьму...
И сразу заплакала глухо
В ладони, по-бабьи, внадсад
и стала старуха старухой,
а лет ей всего пятьдесят.
Один у неё он на свете —
и некуда скрыть ей позор...
И мы приумолкшие едем —
какой тут ещё разговор!

САД В ПРОТОПОПОВЕ

Солнце гуляет по саду,
Зелень ласкает глаза —
С этой услодой нет сладу,
И набегаёт слеза.

Ветер щебечет с листвою,
Птицы ревниво поют.
Чувствую — это живое,
Чую июльский уют.

Лето — великое чудо,
Что ниспослал нам Господь.
Кто мы такие, откуда —
Главное дух, а не плоть!

Ты нам являешь, Создатель,
Жизни земной красоту,
Как гениальный ваятель,
Мир облакая в мечту.

Верую в синее небо —
Белым молюсь облакам.
Жил на земле я нелепо —
Буду ль когда-нибудь там?

В милом, до боли известном,
Словно коломенский край —
Буду ль в саду я небесном,
Что называется — Рай?